

ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Я. Гаген

ЭПИЗОД В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РУСЬЮ И ВИЗАНТИЕЙ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1341–1354)

Тема отношений между Русью и Византией традиционно во все времена подвергается мощному идеологическому давлению. Исследователь то и дело натывается на замшелые идеологические штампы и общие места, неизменные с XIX в. В особенности это происходит тогда, когда речь идет о знаковых исторических фигурах, которые всегда изображаются черно-белыми (либо святые, либо еретики). Здесь будет рассмотрен лишь небольшой эпизод взаимоотношений между Русью и Византией, который, однако, ставит под сомнение некоторые устоявшиеся взгляды.

Сперва следует упомянуть о стихийном бедствии. Ночью 19 мая 1346 г. в результате землетрясения, в котором современники традиционно усмотрели перст Божий и наказание за грехи, обрушилась часть купола церкви Святой Софии. Об этом событии сообщает константинопольский патриарх Каллист I в речи, переданной византийским историком Никифором Григорой в «Истории Ромеев»: «И что нужно рассказать большее и всем ясное? (а именно: для того, чтобы обличить злодейства Кантакузина. – С.Г.). Мне бы не хватило времени для рассказа, если бы я захотел рассказать все или почти все. Пожалуй, нечто одно из более короткого сказав, закончу. Ибо, как вы все знаете, когда десять лет назад великий и весьма известный храм мудрости Бога был поврежден в значительной мере, то был опять воздвигнут императрицей Анной, правящей тогда вместе с сыном. А именно: упавший большой небесный купол, несущий основную нагрузку вместе с кровлей алтаря, но над куполом полушферы кровли осталась самая короткая часть. Предстояло завершить ее в кратчайшие сроки, так как она самая короткая по веревке, да и материал лежал приготовленным. Но этот (Кантакузин. – С.Г.) помешал, как-то вот так передав себе самому ее императорскую власть внезапно, равно как и неожиданно. И пребывает божественный этот дом с той поры полностью в пренебрежении»¹.

Это сообщение противоречит, однако, данным самого Канта-

кузина, который в своем историческом произведении сообщает и об этих разрушениях, и о затянувшемся ремонте храма, так как именно поэтому его коронация в мае 1347 г. проходила не в Святой Софии, но во Влахернской церкви². Он пишет следующее: «Ибо храм Мудрости Господа, побеждающий красотой и величием людей повсюду и являющийся как бы неким общим изваянием гегемонии ромеев, а также и примером величия и честолюбия в отношении прекрасного, за год до того, как Кантакузин принял царство византийское, обрушился, так как случились необыкновенные землетрясения, но не полностью, но лишь большая колоннада у алтаря. Так как кровля была повреждена не в малой степени над двумя частями, то царские службы проходили во Влахернах, там прежде это было обычным. Итак, колоннаду с алтарем тотчас восстановила императрица Анна, приставив к работе Факеолата³. Оставшиеся части вместе с кровлей позднее воздвиг император Кантакузин, который также позаботился о дальнейшем украшении святыни, что выразилось в мраморных облицовках и в устройстве изящной мозаики. Если же чего-то и не хватало для завершения строительства, то это позднее добавил новый император Палеолог, уже единолично правящий ромейской державой. Обоим императорам прислуживал в этом прекрасном честолюбии великий стратопедарх Астра⁴, достойный многих слов в отношении остальных дел и сведущий в строительстве, а от латинских подданных императора известен некий Иоанн Пералта⁵. Но это было позднее⁶. Впрочем, данные Кантакузина не противоречат речи Каллиста, так как, называя конкретных лиц, занимавших свои должности не ранее 1352 г., только подтверждают тот факт, что к 1353 г., а возможно и к 1356 г. восстановление храма Святой Софии не было завершено⁷.

Речь патриарха Каллиста I в изложении Григоры, без всякого сомнения, имеет политическую основу. Каллист рискнул привратиться из друга во врага могущественного узурпатора лишь после того как Кантакузин в начале 1353 г. потребовал от него не только короновать своего сына Матфея, но и не упоминать более династию Палеологов в литургии, другими словами – освятить авторитетом церкви окончательную узурпацию власти. Каллист воспротивился этому беззаконию, был низложен и бежал сперва к латинянам в Галату, а затем к Иоанну V Палеологу на о. Тенедос⁸. Обвинительная речь Каллиста I против Кантакузина, переданная Никифором Григорой, содержала и упомянутые обвинения в пренебрежении ремонтом хра-

ма Святой Софии: «И пребывает божественный этот дом с той поры полностью в пренебрежении и часто вызывал у всех, кто его видел, слезы – не только у ромеев, но также почти у всех язычников и иноплеменников, так как молва об этом вселенском чуде (Святой Софии. – С.Г.) достигла пределов ойкумены⁹. Случилось, что властитель россов преисполнился божественного рвения»¹⁰.

Под властителем россов следует, вероятно, подразумевать великого князя Симеона Гордого (1341–1353). Никифор Григора, излагая рассматриваемую здесь речь патриарха Каллиста I, дает и описание Руси с точки зрения образованного византийца XIV столетия: «Страна эта обширна и весьма населена. Она лежит между теми Гиперборейскими горами¹¹, откуда величайшая из рек, Танаис¹², низвергается, а также другие великие и малые реки, которые, устремляясь оттуда вниз, впадают в Меотийское¹³ и Каспийское моря¹⁴. Если кто-то с северных земель достигает нас, то оставляет при этом ветер Зефир¹⁵ и соседний западный океан¹⁶ справа от себя, а слева – гиперборейских скифов¹⁷ и все восточные ветры, обычно овевающие ту землю. Должно тем, кто описывает страны и это изложить, чтобы все народы, что дальше ойкумены, были бы в доказательство того, что мы, имея в груди прекраснейшие из чудес, остаемся бесчувственными более, чем все народы на земле»¹⁸.

Григора цитирует в своем описании, вероятно, Геродота, не имея, скорее всего, никакого представления о точном месторасположении Руси. Вернемся опять к речи Каллиста в изложении Григоры, который далее сообщает: «Итак, властитель той страны (великий князь Симеон Гордый. – С.Г.) послал нам оттуда много тысяч монет, так много, как он уже однажды посылал, и пожелал, чтобы посредством этих денег была завершена оставшаяся часть божественного храма. Он сообщил о намерении послать еще больше в ближайшее время соразмерно потребности в средствах»¹⁹.

Следует заметить и то, что для военных действий того времени именно обладание свободной наличностью часто решало все дело. Приведем небольшой пример. Феодор Дука Синадин, наместник Фессалоники в 1341–1342 гг.²⁰, примкнув к Кантакузину, обещал передать узурпатору Фессалонику²¹, но был изгнан из города зилотами²². Феодор Синадин был вынужден, сломав одни из городских ворот, бежать со своим окружением, немногими верными солдатами и некоторыми представителями городской знати (остальные попали в руки зилотов) – всего около тысячи человек – в Гинейкокастрон (женская

крепость) примерно в 35 километрах на северо-западе от города²³. Когда в крепость вошли солдаты Кантакузина, Феодор Синадин узнал о том, что великий domestik не имеет наличности, чтобы закупать продовольствие, а главное – заплатить солдатам Синадина (они уже роптали из-за задержки жалования), хотя и везет с собой различные ценные вещи, драгоценные камни и жемчуга. Между тем солдаты в крепости потеряли мужество и легко поддавались пропаганде Апокавка, обещавшего им деньги и почести²⁴. Все это привело Синадина к разочарованию в организаторских способностях Иоанна Кантакузина, он уступил давлению Алексея Апокавка и перешел на его сторону, оставив своего прежнего покровителя.

Как видим, огромное значение имел тот факт, что помощь из России приходила именно в виде звонкой монеты. Ведь «благочестивый» Иоанн Кантакузин не останавливался перед тем, чтобы переплавить в монету церковную утварь, не считаясь с истинной стоимостью и культурной ценностью вещей²⁵.

Итак, московский великий князь неоднократно присылает деньги в Византию, раздираемую гражданской войной, и обещает присылать еще. Формальная цель – реконструкция Св. Софии, но так ли это было на самом деле? Никифор Григора, этот книжный червь, не покидающий своей келии в монастыре Хоры, воспринял, разумеется, только внешнюю сторону дела, а именно вопиющее злоупотребление властей: «Но этот наш император (Иоанн VI Кантакузин. – С.Г.), оскорбив стыдливость божескую и человеческую, и пренебрегший почтенными престолами, отобрал у нас эти деньги для себя и послал их своему безбожнейшему зятю Гиркану (султану Орхану I. – С.Г.). Он сделался явным святотатцем, жертвуя божественные сокровища демонам. Но что можно добавить к тому, что уже сказано нами выше? Ибо это не более того, чтобы беспрерывно передавать христиан тем же самым варварам и словно жертвенных животных приводить их души через являющихся тех (варваров – С.Г.) к невидимым демонам²⁶. Поэтому божественный дом – это великое чудо ойкумены – остается ангелам и людям театром, достойным жалости. И невозможно куда-либо во всей ойкумене, болеющей из-за одного мужа, послать посольство, возвестить о бесчестной порочности, утвердить впредь посреди театра ойкумены немymi голосами безрассудность причин слез»²⁷.

От риторических стенаний современника обратимся опять к фактам. Лучший друг московского князя Иоанн VI Кантакузин, ко-

торый весьма охотно присоединял к своей титулатуре также именование «император россов», воспользовался русскими деньгами (скорее всего, их частью, так как какие-то работы в храме Св. Софии он все же оплатил, как было показано выше) для того, чтобы заплатить турецким наемникам под предводительством своего зятя Орхана. Возникает риторический вопрос: не это ли плата наемникам и была истинным назначением московских денег, а разговоры о реконструкции храма только дипломатическим прикрытием помощи союзнику?

Ибо московские деньги пришли как раз вовремя, чтобы заплатить Орхану в 1347 г. за помощь при вступлении в Константинополь. Патриарх Каллист, который в это время был сторонником Кантакузина, без всякого сомнения, именно тогда узнал о московском золоте. Но почему же он молчал об этом целых шесть лет вплоть до 1353 г.? Если Каллист не возмутился в то время, то он точно знал также и о том, что деньги изначально были предназначены турецким наемникам, а не Св. Софии! Поссорившись с Кантакузином, Каллист не стал более хранить дипломатическую тайну и опубликовал компромат на своего бывшего патрона!

Но какая выгода была московскому князю в том, чтобы помогать одной из сторон в гражданской войне «за тридевять земель»? Неужели князь московский проникся идеями паламизма еще до победы Кантакузина в 1347 г. и до полного торжества учения Паламы на Соборе 1351 г. настолько, что не пожалел средств для помощи своим идейным друзьям? Совершенно ли бескорыстно разгорелся пламя ответной любви? Ибо, как сообщает И.П. Медведев, «политика нового исихастского руководства была направлена на возвышение Москвы как религиозного и политического центра»²⁸.

Исследователи русско-византийских связей, в частности И.Ф. Мейендорф, высказывают полное недоумение в отношении причин того, что Византия необъяснимым и совершенно нелогичным образом изменила ориентацию своей внешней политики в отношении Руси. Возникает естественный вопрос о том, «почему Византия держала сторону Москвы, а не Литовского великого княжества, в пределах которого находился не только сам Киев – традиционная кафедра митрополита, но и наибольшая территория, а также, вероятно, и большая часть населения бывшей Киевской Руси. Возглавляемая литовской династией территория современной Белоруссии и Украины была в языковом и культурном отношениях “русским” государством, независимым от Золотой Орды и претендую-

щим с большими, казалось бы, основаниями, чем Москва, на возглавление всей Руси. Для достижения этой цели оно обладало и экономическими, и военными возможностями»²⁹. Кроме того, правитель Юго–Западной Руси Ольгерд Гедиминович обещал «в случае получения поддержки из Константинополя принять византийское православие... Потому причины предпочтения, оказываемого Византией Москве, нелегко установить... Во всяком случае, последовательно промосковской византийская политика была тогда, когда в Константинополе главенствовала партия исихастов и Кантакузина; нарушалась эта политика партией Палеологов. Таким образом, Кантакузину и его окружению Москва отчасти обязана тем, что она, а не Вильна, стала “Третьим Римом”»³⁰.

Г.М. Прохоров объясняет этот поворот во внешней политике Византии, разумеется, выдающимися дипломатическими и провидческими способностями узурпатора Иоанна Кантакузина и его сподвижника патриарха Филофея Коккина: «Предпочтение, отданное Кантакузином и Филофеем Москве, может объясняться, во–первых, тем, что Литва надолго была связана борьбой с немецкими рыцарями; во–вторых, хорошей осведомленностью византийских политиков о реальном потенциале Великой Руси и зреющем в этой стране возмущении татарским владычеством; и, в–третьих, самим географополитическим положением Великой Руси: будучи восточным форпостом православия, Великая Русь значительно больше соприкасалась с мусульманским миром, чем Малая. Важнее было вдохновить на борьбу с иноверцами именно эту страну. Будь ставка сделана на Литву, Москва прочно вошла бы в орбиту татарской политики – и тогда всякая западно–русско–литовская попытка антимусульманской борьбы была бы немедленно парализована великорусскими силами»³¹.

Разумеется, Иоанн Кантакузин и Филофей Коккин не были столь безумны, чтобы иметь подобные геополитические фантазии об антимусульманской коалиции с Русью, а тем более пытаться как–то воплотить их в жизнь! В самом деле, еще до 1341 г. византийцы обеспечили безопасность своих владений в Крыму тремя браками незаконнорожденных императорских дочерей с самыми могущественными властителями Орды³², и только политический авантюрист мог пойти на конфликт с Ордой из–за гипотетической помощи единоверцам на краю ойкумены. Ведь татары были не врагами, но союзниками Византии! Не следует забывать также о том, что для Византии был жизненно важен подвоз припасов из итальянских портов в Причерномо–

рье. Например, временный переход Таны (Азова) под власть татар в 1343 г. привел к недостатку зерна и соленой рыбы не только в Византии, но и в Италии³³.

Нельзя отрицать тот факт, что русская политика Кантакузина была исключительно промосковской, но нельзя отрицать и то, что чистым недоразумением выглядит оценка Г.М. Прохоровым Кантакузина как «дальновидного политика», который «правильно оценив размеры турецкой угрозы», первым «пытался организовать антитурецкий союз православных государств и первым из деятелей международного уровня обратил серьезное внимание на Московскую Русь»³⁴. Эти слова полностью противоречат историческим фактам, так как Кантакузин, опиравшийся в ходе гражданской войны 1341–1354 гг. на турок–осман (друг бея Смирны Умура Аидиноглу и тесть султана Орхана I)³⁵, стремился, прежде всего, к личной власти, не помышляя ни о каком союзе, который бы мог воспрепятствовать этим честолюбивым планам. Более того, он прямо перешел на сторону турок в 1344 г. и выдал Умуру планы антитурецкой коалиции государств Средиземноморья³⁶. Защита христианства вообще и православия в частности вряд ли была основной специальностью Кантакузина. С этой точки зрения интересен результат анализа лексики исторического произведения Иоанна Кантакузина, в котором, по мнению А.П. Каждана, наиболее частыми являются термины, обозначающие прибыль, пользу, денежную выгоду (*κέρδος*, *λυσίτηλεῖν*), а также страх и обман³⁷. Трудно поверить в то, что этот нерешительный и трусливый авантюрист, разваливший доставшееся ему государство, мог лелеять какие-то возвышенные планы о создании «православной ойкумены».

Возникает вопрос: за что именно заплатил могущественный «властитель россов»? Обратимся опять к Г.М. Прохорову: «Противники Кантакузина во время гражданской войны выделили из анахронической митрополии “вся Русь” Галицкую митрополию, подчинив ей ряд епископий Малой Руси. В 1347 г., вскоре после воцарения в Константинополе, Кантакузин уничтожил эту митрополию, воссоединив ее с церковью Великой Руси, о чем и написал в ряде грамот на Русь князьям и митрополиту Феогносту³⁸. В соответствии с установившимися со времен крещения Руси обычаям и законом, утверждал он, во всей Руси, Великой и Малой, должен быть один митрополит – “Киевский, который рукополагал бы епископов на все святейшие епископии”. Заметим, что Киев, номинальный

центр митрополии, находился под властью Литвы, контролировавшей наиболее значительную часть русской территории. “Киевские” же митрополиты с начала XIV в. проживали в Москве, а западную часть своей огромной епархии лишь посещали, если имели к тому возможность. Литовские князья стремились либо к возвращению митрополита в Киев, либо к разделу митрополии по политическому принципу. Кантакузин же повел политику на сохранение церковного единства Руси и звания “Киевского” за московским митрополитом. Патриарх Филофей решительно последовал этой промосковской политике Иоанна Кантакузина»³⁹.

Вряд ли возможно считать случайностью тот факт, что Кантакузин озаботился затруднениями московского князя сразу же после прихода к власти. Разумеется, были у него и более неотложные дела по устройству своего правления, но московские деньги надо было отрабатывать, да и нужда в турецких наемниках во время разгоравшейся гражданской войны была весьма острой, а Симеон, как было показано выше, обещал платить «по потребности». Это же предположение высказано ранее М.Н. Тихомировым: «Борьба Иоанна V с Иоанном Кантакузином, как известно, ознаменовалась одно время победой Кантакузина, вступившего в византийскую столицу 3 февраля 1347 г. В августе того же года появился хрисовул Иоанна Кантакузина, подтвержденный патриархом Исидором, о передаче галицкой митрополии под власть русского митрополита Феогноста. Такие акты, как правило, щедро оплачивались русскими князьями, впрочем, всегда под маркой благочестия. Русский же летописец записал кратко и неясно, что московский великий князь Симеон и митрополит Феогност посылали в Царьград “о благословении”. Это “благословение”, вероятно, в немалой степени помогло Иоанну Кантакузину в его политических планах. Недаром в своем хрисовуле он называет великого князя своим любезным сродником»⁴⁰. М.Н. Тихомиров далее сообщает, что «по Григора, византийские политики истратили деньги на другие нужды, что вызвало негодование русских»⁴¹. Однако здесь явное недоразумение, так как у Григоры, который был процитирован выше, нет никаких сведений о «негодовании русских». И этот факт отсутствия возмущения со стороны «благочестивого» князя Симеона Гордого весьма примечателен, так как подтверждает нашу догадку о том, что русский властитель точно знал о том, на какие нужды будут истрачены его деньги. Более того, интересен и намек Григоры на то, что день-

ги от Симеона поступали и ранее. Это может означать и то, что русский князь настолько глубоко вмешивался в византийские дела, что фактически участвовал в гражданской войне, поддерживая кантакузинистов.

Однако следует привести и другой (благочестивый) взгляд на отношения между Симеоном и Кантакузином. Ряд исследователей, главным образом православной ориентации, придерживаются мнения о том, что «Русь (точнее – Московская Русь) решительно поддержала исихастское движение и исихастское руководство византийской церкви»⁴². По И.П. Медведеву и Г.М. Прохорову, произведения которых цитируются ниже, получается совершенно умильная и идеальная картина безоблачного сотрудничества двух православных государств на почве общей любви к исихазму. Православными исследователями полностью игнорируется давно общепризнанный факт того, что Иоанн Кантакузин, Филофей Коккин, и даже сам Григорий Палама были не исихастами, но паламитами, а это весьма существенная разница⁴³.

Иоанн Кантакузин использовал паламитизм исключительно для упрочения своего влияния, включив для этой цели в свой ближний круг многих авторитетных афонских монахов⁴⁴. Г. Вайс замечает, что уже с самого начала оба основных оппонента в исихастских спорах, Варлаам Калабрийский и Григорий Палама, действовали по всем правилам византийской политической борьбы, а именно обзаводились группами собственных сторонников, при этом Варлаам уже входил в ближний круг патриарх Иоанна Калеки, а тем самым и в окружение (φίλια) Иоанна Кантакузина⁴⁵. В целом, на основании просопографического анализа участников антипаламитского движения, Г. Вайс приходит к выводу о том, что антипаламитское направление в первое время поддерживают не столько образованные литераторы, сколько члены знатных фамилий, и в значительно большей степени, чем паламитское направление. Если учесть тот факт, что сам Палама и его ближайший сподвижник Давид Дисипат принадлежали к знати, то противостояние антипаламитов и паламитов следует рассматривать прежде всего как борьбу группировок византийской знати за влияние при дворе⁴⁶.

Не следует забывать и о том, что в ранге православных епархий русская митрополия занимала невысокое положение (60–е, а затем в начале XIV в. даже 72–е место), которому русские иерархи не придавали особого значения и не пытались повысить ранг своей

церкви, отстаивая при этом весьма упорно свою внутреннюю независимость. «Это выразилось прежде всего в появлении новых русских святых, канонизированных с согласия константинопольского патриарха. Подобно тому, как греческая церковь неохотно признавала чужих, негреческих, святых, так и русская церковь возводила в свой пантеон только своих соотечественников»⁴⁷.

Кроме того, утверждение И.П. Медведева о том, что Сергей Радонежский для Троице-Сергиевской Лавры получил «исихастский киновиный устав»⁴⁸ от патриарха Филофея Коккина, противоречит тезису И. Мейендорфа, который подчеркивает тот факт, что устав Филофея был по своей сути не совсем исихастским, как, возможно, хотелось бы русским, но комбинирующим два типа монастырской жизни: «отшельничество» и «общежительство» (киновию)⁴⁹. Умеренность Филофея могла иметь многие причины. Прежде всего, византийцы весьма скептически, как показывает недавнее исследование С.А. Иванова, относились к способностям варваров воспринять в полной мере христианскую веру⁵⁰. Например, Никифор Григора весьма критичен в оценке влиятельности христианства на Руси. В своей «Истории Ромеев» он замечает: «Ибо весь тот народ россов, являясь многочисленным и населяя с древнейших времен многие разнообразные области, разделен, как сказали, где-то то ли на три, то ли четыре владения⁵¹ или царства с давних пор. Но когда проповедь Божественного благочестия в позднейшее время распространилась там, то большинство из них усвоили части ее: с одной стороны, наполнив себя рвением более Божественным в отношении более горячей проповеди, с другой – и Божественное крещение приняв безболезненно. Но держатся иногда еще то там, то здесь некоторые (учения.– С.Г.), придерживающиеся первичного зла (язычества.– С.Г.)»⁵². Однако свой высокомерный скепсис византийцы умели скрывать, когда дело касалось материальной выгоды, а коварный московский искуситель, князь Симеон, хорошо понимал эту особенность загадочной византийской души и умел ею попользоваться.

В этой связи мнение И.П. Медведева о том, что русская необразованность и фактическое незнакомство с плодами греко-римской цивилизации способствовали «более глубокому усвоению многовекового опыта христианского миропонимания»⁵³, кажется, как минимум, не бесспорным; думаю, что со мною согласились бы и все образованные византийцы, которые, несмотря на традиционное ри-

торическое противопоставление «апостольской глупости» и «эллинской суетной мудрости», все же считали невозможным постижение теологической мысли отцов церкви без углубленного изучения греческой философии.

Может быть и другая причина, по которой патриарх Филофей предпочитал не впутывать Русь в догматические споры, сотрясающие Византию. Для разъяснения этой причины обратимся опять к нашему источнику. На этот раз Никифор Григора передает рассказ своего друга Агафангела⁵⁴. «Ты (Агафангел обращается к Григоре. – С.Г.) знаешь о том, что народ россов очень велик и населяет весьма процветающую страну. Ибо оттуда он обладает разнообразным богатством и, вобщем сказать, ничего не надо доставлять из необходимого того, что видит для независтливого счастья⁵⁵. И следует он самым простым и безыскусным образом законам православия, ни в чем неизменным с того самого момента, когда он принял его (православие – С.Г.)⁵⁶. Итак, случилось в те времена то⁵⁷, что мудрый муж⁵⁸, украшающий епископский престол и принявший на себя духовный надзор над народом, как ты знаешь, собрал еще с юности из этого величайшего из городов (Константинополя – С.Г.) точный опыт божественных канонов и законов⁵⁹. И, чтобы сказать вообще, также и ему послали соучастники паламитского братства новые томосы, зазывая на собственный утес гибели и его, как они это обычно для себя делают по всем городам и странам. Но он, прочитав и узрев рой оных поруганий и языческое многобожие, председательствующее там над всем весьма деспотично, тотчас же низринул их наземь, зажал уши от развратного слуха и бросился вон как можно быстрее. И написал он весьма длинные порицания с необходимыми опровержениями и доказательствами из Божественного Писания и послал это патриарху, а с ним и епископам, назвал их политеистами и атеистами, бестыдными извратителями и преследователями отеческих догм и сопровождал их равно соответствующими анафемами»⁶⁰.

Антипаламитские произведения Феогноста до нас не дошли⁶¹. Агафангел сообщает и причину этого: «Так было с письмами из России. Хотя они и опровергли таким образом тех злых людей, но не смягчили. Я же удивляюсь тому, как эти люди, будучи необразованными в других вещах, умно устраивают то, чтобы быстро распространившееся известие всеми неограниченными угрозами и запугиваниями в короткое время свести в могилу молчания»⁶².

Письма, скорее всего, были уничтожены в канцелярии патриарха, чтобы не портить отношения с Русью. В этом, вероятно, и была еще одна причина, почему Филофей не решился открыто насаждать паламитизм на Руси. Слишком негативной и острой была первая реакция на паламитские томосы. Византия не могла себе позволить поссориться с Русью, со своей 72-ой митрополией, из которой шло золото на нужды хиреющего государства.

Подведем некоторые итоги. К середине XIV в. Византия окончательно и бесповоротно утратила возможность вмешиваться в дела России и проводить самостоятельную политику на Руси, а тем более фантазировать о глобальных геополитических проектах. Напротив, окрепшая Московская Русь оказывала серьезное влияние на политику ослабшей державы ромеев, вовлекая захиревшую империю в устройство своих дел вопреки политической выгоде для самой империи (для выживания Византии было несравнимо важнее сохранять стабильные отношения с Золотой Ордой). Московские князья могли не только просто и цинично покупать нужные им решения византийских императоров и патриархов, но и участвовать в серьезных внутривосточных конфликтах, как, например, Симеон Гордый, финансировавший Кантакузина во время гражданской войны 1341–1354 гг. Русская денежная помощь Византии вовсе не была незначительной и временной, а ее размеры, которые не следует преуменьшать, еще должны стать предметом серьезного научного исследования⁶³. В рассмотренном здесь конкретном случае Кантакузин получил турецкие сабли, а Москва – галицкую митрополию и «киевского» митрополита – козырного туза в игре против Ольгерда Гедиминовича за гегемонию над всеми русскими землями. Русские деньги стали, таким образом, весомым фактором международной политики. Московская Русь была достаточно самостоятельна и в церковной жизни, что она наглядно продемонстрировала, решительно отвергнув паламитские томосы. Московские князья были настолько сильны, что, поддерживая кантакузинистов деньгами, не считали при этом нужным идейно подчиняться паламитам. Патриархи Византии были вынуждены с этим считаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Nicephori Gregorae Byzantina historia / L. Schopen, I. Bekker. Bonn, 1855. Bd. III (далее – Greg. III). S. 198.15 –199.7: Καί τι δεῖ τά πλεῖω καί πᾶσι δηλα διεξιέναι; ἐπιλείψει γάρ ο ἰ χρόνος με διηγούμενον, εἰ πάντα δὴ τὰ παραπλήσια λέγειν ἐθέλομι δμως ἔν τι τῶν βραχυτέρων εἰπῶν ἀπαλλάξομαι. τοῦ γὰρ μεγίστου καί μάλα περιβόητου τῆς τοῦ θεοῦ σοφίας νεῶ τὸ πρὸς ἔω ζημιωθέντος μέρος πρὸ δέκα ἐνιαυτῶν, ἀνεγῆγερται πάλιν εὐθύς μετὰ τὴν πτώσιν, ὡς ἄπαντες ἴστε, πρὸς Ἄννης τῆς βασιλίδος μετὰ τοῦ υἱοῦ τῆνκαῦτα βασιλευούσης, ἢ πᾶσαν προϊσχομένη δυσχέρειαν μετὰ τῆς τοῦ βῆματος ὀροφῆς, ἢ πεσοῦσα Οὐρανία ἐκείνη καὶ μεγίστη ἀψίς, τὸ δ' ἐκατέρωθεν ὑπὲρ τὴν ἀψίδα λειπόμενον τοῦ ἡμισφαιρίου τῆς ὀροφῆς βραχύτατον λείμμα ἔμελλε μὲν καὶ αὐτὸ βραχύτατον ὄν κατὰ σειράν, τῆς ὕλης ἐμπαρασκευέου κειμένης, ἐν βραχεῖ συντελεῖσθαι, κεκώλυκε δ' οὔτοι, τὸ βασιλεῖον κράτος ἐκείνης ὄπως ποτ' εἰς ἑαυτὸν μεταστήσας ἐξαίφνης ἄμα καὶ ἀπροσδόκητα: καὶ μεμῆνηκεν ὁ θεῖος οὗτος οἶκος ἐκείθεν ἀμελούμενος τὸ παράπαν.

² *Ioannis Cantacuzeni. Historiarum libri IV/* Ed. J. Schopen. I – III. Bonn, 1832. S. 29.17 – 30.3 (далее – Cant.).

³ PLP. XII. 29559. Андрей Факеолат, архонт, командующий флотом в 1346–1347 гг., протостратор в 1347–1354 гг. Противник Кантакузина.

⁴ PLP. I. 1598. Георгий Синадин Астра прославился как выдающийся архитектор при реконструкции храма Св. Софии в 1354 г. Архитектура редко была увлечением византийской аристократии. О нем см.: *Hannik Ch., Schmalzbauer G. Die Synadenoi // JÖB. 1976. Bd. 25. S.151.*

⁵ PLP. X. 22404. Иоанн де Пералта был соправителем Константинополя с Георгием Синадином Астрой в 1352 г.; см.: *Matschke K.–P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971. S. 119. Anm. 225.*

⁶ Cant. III. 30.3–15: ὁ γὰρ τῆς τοῦ θεοῦ Σοφίας, κάλλι τε καὶ μεγέθει τοὺς ἀπανταχοῦ νεκῶν καὶ ὡπερ τι κοινὸν ἀγαλμα τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας ὦν καὶ δεῖγμα τῆς μεγαλοουρίας καὶ τῆς περὶ τὰ καλά φιλοτιμίας, ἔτει ἐνὶ πρότερον ἢ Καντακουζηνὸν τὸν βασιλέα τὸ Βυζάντιον ἐλεῖν, σεισμῶν ἐξαισίωων γενομένων, κατηνέχθη, οὐ καθάπαξ, ἀλλ' ἦ τε πρὸς τῷ βῆματι μεγάλη στοὰ καὶ τῆς ὀροφῆς οὐκ ὀλίγον, ὑπὲρ δύο μοίρας ἀπολειφθείσης, διὸ καὶ αἱ τῶν βασιλέων τελεταὶ ἐν Βλάχερναις ἐτελοῦντο, ἐκεῖσε πρότερον εἰωθός. τὴν μὲν οὖν μέγαλην στοὰν μετὰ τοῦ βῆματος ἡ βασιλεὺς ἀνήγειρεν αὐθις Ἄννα, Φακεωλάτων ἐπιστήσασα τῷ ἔργῳ: τὸ ἐπέκεινα δὲ μετὰ τῆς ὀροφῆς βασιλεὺς ὕστερον ἀνέστησεν ὁ Καντακουζηνὸς καὶ τῆς ἄλλης ἐπεμελήθη τοῦ τεμένους εὐκοσμίας, ὄση τε ἐν μαρμάρῳις καὶ λεπτῆς ψηφίδος διαθέσει, εἴ τι δὲ ἐνέδει πρὸς τελείωσιν, Πολαιολόγος ὕστερον ἐπέθηκεν ὁ νέος βασιλεὺς μόνος ἦδη τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας ἔχων τὴν ἀρχὴν, διηκόνει δὲ ἑκατέροις τοῖς βασιλεῦσι πρὸς τὴν καλὴν φιλοτιμίαν ταύτην Ἄστραδς ὁ μέγας στρατοπεδάρχης, τὰ τε ἄλλα λόγου ἄξιος πολλοῦ καὶ περὶ οἰκοδομίας ἔχων εὐφῶς, καὶ ἐκ τῶν ὑπηκόων βασιλεὺς Λατίνων τις Ἰωάννης Περάλτα προσαγορευόμενος, ταῦτα μὲν οὖν ὕστερον.

⁷ *Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte. Historia Rhomaike/Übers. u. erl. von J. L. van Dielen Stuttgart: Hiersemann, 2003. Bd. V. S. 355. Anm. 354* (далее – DietGreg).

⁸ PLP. V. 10478.

⁹ Ойкумена – обитаемая земля. Термин здесь не переводится.

¹⁰ Greg. III., 199.7–12: *καὶ τῶν ὀρώωντων ἀπάντων συχνὰ προκαλούμενος δάκρυα, μὴ μόνον Ῥωμαίων ἀλλὰ καὶ πάντων σχεδὸν ἐθνικῶν καὶ ἄλλοφύλων ἀνθρώπων, τῆς δὲ φήμης τοῦ παγκοσμίου τοῦδε θεάματος εἰς τὰ τῆς οἰκουμένης διαβαίνουσης πέρατα, ζήλου πλησθῆναι συμβαίνει θείου τὸν ἀρχηγὸν τῆς Ῥωσσίας.*

¹¹ Уральские горы.

¹² Река Дон.

¹³ Азовское море.

¹⁴ Интересно, что Григора считает главной рекой России Танаис (Дон), а не Итиль (Волгу). Это может указывать на то, что источником нашего автора были какие-то гунезские сочинения или рассказы. Вероятно, он лично не знал ни одного русского из живущих в Константинополе.

¹⁵ Западный ветер.

¹⁶ Атлантический океан.

¹⁷ Herdt.Hist. 4.33.18–36.4.

¹⁸ Greg. III., 199.12–24: *χώρα δ' αὕτη μεγάλη καὶ πολυάνθρωπος, μεταξὺ τῶν ὑπερβορείων ἐκείνων κειμένη ὀρῶν, ἀφ' ὧν Τάναϊς τὸ ῥήγγυται ποταμῶν ὁ μέγιστος, καὶ ὅσοι πρὸς τὴν Μαιώτιδά τε καὶ Κασπίαν μείζους τε καὶ ἥττους ποταμοὶ κατιόντες ποιοῦνται τὰς ἐκβολάς, ἐν δεξιᾷ μὲν, εἴ τις ἀπ' ἄρκτων εἰς ἡμᾶς ἀφικνοῖτο, ζέφυρον ἄνεμον ἀφιῶσα καὶ γειτονιώντα τὸν δυτικὸν Ὠκεανόν, παρὰ δὲ τὰ εὐώνυμα τοὺς τε ὑπερβορέους Σκύθας καὶ ὅποσα τῶν ἀφρηλιωτικῶν πνευμάτων τὴν γῆν ἐκείνην εἴωθεν ἐπιπνεῖν. δεῖ γὰρ καὶ ταῦτα διεξιῆναι χωρογραφούντας, ἵνα πρὸς ἔλεγχον ἢ τὰ πάνυ τι πόρρω τῆς οἰκουμένης ἔθνη τῶν ἐν κόλποις μὲν ἐχόντων ἡμῶν θεαμάτων τὰ κάλλιστα, ἀναισθητοῦντων δ' ἀπάντων μάλιστα τῶν ἐπὶ γῆς ἔθνῶν.*

¹⁹ Greg. III., 199.24 – 200.4: *ὁ τοίνυν τῆς χώρας ἀρχηγὸς ἐκείνης χιλιάδας ἡμῖν χρημάτων πέμψας ἐκείθεν ὄσας δῆτα καὶ ἐπελόμφει, δ' αὐτῶν ἡξίου τελεῖσθαι τὸ λείπον ἐκεῖνο μέρος τοῦ θείου νεῶ, ἐπαγγελλόμενος ἔτι καὶ πλείω πέμπειν ἐκείθεν ἕξις κατὰ τὸ τῆς κρίσεως ἀνάλογον.*

²⁰ PLP. № 27120

²¹ Cant. II., 190.23 – 193.12.

²² *Hannick Ch., Schmalzbauer G. Die Synadenoi. S. 137; PLP № 27120.*

²³ Greg. II., 633–634; Cant. II., 233.22.–234.6.

²⁴ Greg. II., 635–636.

²⁵ *Сметанин В.А. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453 гг.) // АДСВ. 1975: Екатеринбург. Вып. 12. С. 119. К сожалению, отсутствует указание на источник.*

²⁶ Намек на бесчинство турецких наемников Кантакузина. См.: *Сметанин В.А. Расходы Византии... С. 119–120.*

²⁷ Greg. III., 200.4–19: *ὁ δὲ βασιλεὺς ὑμῶν οὐτοσί καὶ θεοῦ καὶ ἀνθρώπων αἰδῶ καθυβρίσας, καὶ δίτης θείας θρόνους σεμνοῦς παριδῶν, ἀφῆρηται μὲν ἡμῶν ἐκεῖνα τὰ χρήματα, πέπομφε δ' Ὑρκανῶ τῷ ἀσεβέστατοι γαμβρῶ, προφανῆς ἱερόσυλος καθιστάμενος, καὶ δαίμοσι θύων τὰ τίμια, ὅμως τί τοῦτο πρὸς γε τα ἡμῖν ἀνωτέρω*

λεχθέντα; οὐ γὰρ μείζον τούτ' ἐκείνου γε τοῦ τοῖς αὐτοῖς βαρβάροις χριστιανούς προδιδόναι διηνεκῶς, καὶ καθάπερ ἱερεῖα διὰ τῶν φαινομένων τούτων προσάγειν τοῖς μὴ φαινομένοις δαίμοσι τὰς ἐκεινῶν ψυχάς. θέατρον τοῖνυν ἀγγέλοις καὶ ἀνθρώποις ἐλεούμενον ὁ θεῖος οἶκος, τὸ μέγα τοῦτο θαῦμα τῆς οἰκουμένης ἐγκαταλέλειπται, καὶ μὴ ἔχων ὄποι τῆς οἰκουμένης πρεσβείαν πέμψας τὴν ἀδικίαν ἀπαγγελεῖ, νοσοῦσης ἀπάσης δ' ἐνὸς ἀνδρὸς μοχθηρίαν, ἴσταται λοιπὸν ἐπὶ μέσου θεάτρου τῆς οἰκουμένης φωναῖς ἀφθόγγοις τῶν αἰτίων θρηγῶν τὴν ἀγνωμοσύνην.

²⁸ *Medvedev I.* Die Russen als «Heiliges Volk» aus der Sicht Konstantinopols im 14. Jh. // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit. Referate des Internationalen Symposions zu Ehren H. Hungers/ Hrsg. von W. Seibt. Wien, 1996. S. 146.

²⁹ *Мейendorф И.Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 303–304.

³⁰ Там же.

³¹ *Прохоров Г.М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. Спб.: Алетей, 2000. С. 37–38. Следует заметить, что Византия не очень интересовалась перспективами совместной «анти-мусульманской» борьбы, предпочитая обходиться собственными силами. См., напр.: *Красиков С.В.* «Политическая выгода» и «отеческое благочестие» в восприятии Никифора Григоры // Власть, политика, право в античности и средневековье: Сб. статей. Барнаул, 2003. С. 202–209.

³² *Байер Х.–Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 167–172, 188.

³³ *Doren A.* Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934. Bd. I. S. 326. Ук. по: *Тихомиров М.Н.* Россия и Византия в XIV–XV столетиях // ЗРВИ. Београд, 1961. Кн. 7. С. 27.

³⁴ *Прохоров Г.М.* Русь и Византия... С. 35.

³⁵ PLP. V. 10973.

³⁶ *Lemerle P.* L'émirat d'Aédin, Byzance et l'Occident. Recherches sur la geste d'Umur Pachyma. P., 1945. P. 180–190; Greg. II, 688–689; DietGreg. III. S. 306–307. Anm. 252; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. V: Regesten von 1345–1453. München; Berlin, 1965: Reg. 2888, 2890.

³⁷ *Kazhdan A.P.* L'Histoire de Cantacuzène en tant qu'oeuvre littéraire // Byzantion 1980. T. 50. P. 294.

³⁸ РИБ. Т. 6. СПб., 1880. Прил. № 3–6. Цит. по: *Прохоров Г.М.* Русь и Византия... С. 35

³⁹ *Прохоров Г.М.* Русь и Византия... С. 35–36.

⁴⁰ *Тихомиров М.Н.* Россия и Византия... С. 32.

⁴¹ Там же. М.Н. Тихомиров не дает ссылку на произведение Григоры.

⁴² *Медведев И.П.* Русские как «святой народ»: взгляд из Константинополя XIV века // Verbum: Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России. СПб., 2000. С. 86.

⁴³ *Beyer H.–V.* Übereinstimmungen und Differenzen zwischen der Gotteslehre des

Gregorios Sinaites, des Gregorios Akindynos und Gregorios Palamas // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 187–206.

⁴⁴ Weiss G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gessellschaftsentwicklung von Byzanz in 14 Jh. Weisbaden, 1969. S. 116; Васильев А.А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя / Вступ. ст., прим., науч. ред., пер. с англ. А.Г. Грушеского. СПб.: Алетейя, 1998. С. 372–386.

⁴⁵ Weiss G. Joannes Kantakuzenos... S. 104–105.

⁴⁶ Ibid. S. 130–131.

⁴⁷ Тихомиров М.Н. Россия и Византия... С.30. Например, митрополит Феогност канонизировал своего предшественника по кафедре киевского митрополита Петра. Это решение было подтверждено константинопольским патриархом Иоанном XIV Калекой см.: PLP IV. 7069.

⁴⁸ Медведев И.П. Русские как «святой народ»... С. 86. Выражение «исихастский киновиный устав» – полное недоразумение, так как следование исихазму предполагает индивидуальное отшельничество, для которого невозможен общежительный устав!

⁴⁹ Meyendorff Je., Papadakis A. L' Orient chrétien et l'essor de la papauté. Paris, 2001. P. 410.

⁵⁰ Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

⁵¹ И.И. Шевченко полагает, что Григора подразумевает здесь Москву, Тверь, Киев и Литву. См.: Шевченко И.И. Некоторые замечания о политике константинопольского патриарха по отношению к Восточной Европе в XIV в. // Славяне и их соседи: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 134.

⁵² Greg. III., 513.20 – 514.4: τὸ γὰρ ἔθνος ἄπαν ἐκείνο τῶν Ρῶς, πολυανθρωπώτατόν τε ὄν καὶ πολλοὺς πνας τόπους καὶ διαφοροὺς ἐκ παλαιότερων τῶν χρόνων νεμόμενον, εἰς τρεῖς που καὶ τέτταρας ἔφθη διαίρεθὲν τὰς ἀρχὰς καὶ ἡγεμονίας ἐκ πολλοῦ. τοῦ δὲ θείου τῆς εὐσεβείας κηρύγματος ἐν ὑπέροισ καίροισ ἐπιδημηκότος ἐκεῖ, τὰ πλείω μὲν αὐτῶν αὐτοῦ γε ἐδράξαντο μέρη, ἅμα μὲν θειοτέρου πρὸς τὸ θεριώτερον ἑαυτοὺς ἐμπλήσαντες ζήλου, ἅμα δὲ καὶ τὸ θεῖον ἀπραγμόως δεξάμενοι βάλψισμα: ἕνα δ' ἐνιαχοῦ καὶ σποράδιη τῆς πρoτέρως ἔμειναν ἔτι κακίας ἐχόμενα. Ср.: пер. С.А. Иванова в Византийское миссионерство. С. 278.

⁵³ Медведев И.П. Русские как «святой народ»... С. 88.

⁵⁴ Вероятно, псевдоним, под которым скрывался Мануил Ангел – вселенский судья ромеев (1352–1354). См.: PLP I. 214.

⁵⁵ Сельскохозяйственная автаркия была идеалом экономической жизни для Никифора Григоры. См.: Гаген С.Я. Vita rustica в восприятии Никифора Григоры // Историк и его дело: Сб. науч. статей, посвященный 85-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера (1918–1985). Ижевск, 2003. С. 254–258. У Плифона похожую идею см.: Georges Gémiste Pléthon. Traité des vertus / éd. V. Tambrun – Krasker. Athen, 1987. P. 2.5–12.

⁵⁶ Здесь оценка христианства русских полностью противоречит той, которую мы цитировали у Григоры выше, и, на первый взгляд, говорит в пользу уже приведенного мнения И.П. Медведева. Но на то, что это всего лишь риторический прием, указывает сравнение этого места с описанием Святой Горы в Первых Антитретиках Никифора Григоры, так как и там и здесь присутствует мысль о «естественном благочестии», которое рождается у людей, живущих в местах, изобильных от природы (*Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I / Einl., Textausg., Übers. u. Anm. von H.–V. Beyer. Wien, 1976. S. 123.5. – 125.7. См. также: Красиков С.В. Описание Святой Горы у Никифора Григоры и ratio vivendi византийских интеллектуалов // АДСВ. Екатеринбург, 1998. Вып. 29. С. 96–121.*). Это же место можно сравнить с описанием естественных добродетелей скифов (татар) (Greg. I, 31.15 – 32.9. См. также: *Красиков С.В. Скифы в «Истории» Никифора Григоры // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества. Тез. докл. конференции. М., 1997. С. 26.*) Естественное благочестие отождествляется, таким образом, с естественными добродетелями вполне в духе стоической философии. Надо думать, что и патриарх Филофей, называя руссов «святым народом» (*Медведев И.П. Русские как «святой народ»... С. 83–88*), не имел в виду никакой другой святости, кроме риторической.

⁵⁷ В 1351 г., после победы учения Паламы.

⁵⁸ Митрополит Киева в 1327–1353 гг. Проводил церковную политику в пользу московских князей Ивана I Калиты и Симеона Гордого. См.: PLP. IV. 7069.

⁵⁹ Феогност был монахом в Константинополе до 1327 г. См.: Ibidem.

⁶⁰ Greg. III., 113.12–114.14: το ἔθνος τῶν Ῥῶς, οἶσθα, ὡς πολυανθρωπώτατόν τε ἐστὶ καὶ τόπον εὐδαίμονα λίαν οἰκοῦν, πλοῦτον γὰρ ἐκεῖθεν ἴσχει παντοδαπόν, καὶ συλλήβδην εἰπεῖν, οὐδενὸς ἀχορηγήτῶν ἐστὶ τῶν ὄσα πρὸς ἄφθονον χάριν ὄρᾳ τῶν ἐπιτηδεῖων. καὶ πρὸς γε νόμοις ὀρθοδοξίας οὐδαμῆ σαλευόμενοις ἔλεται κατὰ γε τὸν ἀπλοῦστερον καὶ ἀπράγμονα τρόπον, ἐξ ὅτου περ αὐτὴν τὰς εὐχὰς ἀνειλήφει. ἔτυχε δ' οὖν ἅν τούτοις τοῖς χρόνοις τὸν ἐπισκοπικὸν ἐκείνους θρόνον κοσμῶν καὶ τὴν ψυχικὴν τοῦ ἔθνους ἐπιστασίαν ἀνελημμένος ἀνηρ συνετός, ὡς οἶσθα, καὶ τῶν θείων κανόνων καὶ νόμων ἐξ ἔτι νέου πεῖραν ἐκ τῆσδε τῆς μεγίστης 3.114 τῶν πόλεων ἠθροικῶς ἀκριβῆ. καὶ ἵνα συνελθὼν εἴπω, τοὺς νέους κάκεινῳ πελόμψασι τόμους οἱ τῆς Παλαμικῆς θιασῶται φρατρίας, εἰς τὸν οἰκεῖον τῆς ἑαυτῶν ἀπωλείας κρημνὸν ἐγκαλούμενοι καὶ αὐτόν, σφίσι ποιεῖν εἰωθὸς τουτοῖ πρὸς ἀπάσας πόλεις καὶ χώρας, δ' δ' ἀναγνοῦς, καὶ ἰδῶν τῶν βλασφημιῶν ἐκείνων τὸ σμῆνος καὶ τὴν Ἑλληνικὴν πολυθεΐαν ἀπακὼς ἐκεῖ προεδρεύουσαν πάνυ δεοποτικῶς, κατὰ γῆς τε ἔρριψεν εὐθύς, καὶ τὰ ὅσα φραξάμενος ἐπὶ ἀκοῆς πονηρᾶς ἀπεπήδησε τάχιστα. καὶ λοιδορίας μάλα μακρὰς γεγραφῶς μετὰ τῶν εἰκότων ἐκ τῆς θείας γραφῆς ἐλέγχων καὶ ἀποδείξων, ἐπετόμψει ξὺν γε τῷ πατριάρχῃ τοῖς ἐπισκόποις, πολυθεοῦς τε καὶ ἀθεοῦς τούτους ἀποκαλῶν καὶ σφόδρα ἀναιδεῖς τῶν πατριῶν ἀθετητᾶς καὶ διώκτας δογμάτων, καὶ ἅμα τοῖς προσήκουσιν ἀναθέμασιν ὑποβάλλων.

⁶¹ Фан Дитен считает, что нет оснований не доверять рассказу Агафангела, хотя антипаламитская позиция Феогноста не подтверждается документально. См.: DietGreg. V. 277. Anm. 192.

⁶² Greg. III., 114.15 – 114.23: Καὶ τὰ μὲν ἐκ Ῥωσίας γράμματα. τοῦτον ἔσχε τὸν τρόπον, καὶ οὕτω τοὺς κακοσχόλους τούτους ἐξήλεγε μὲν, οὐκ ἐμάλαξε δέ. τεθαύμακα δ' ἔγωγε πῶς τᾶλλα γε ἀμαθεῖς ὑπάρχοντες οὗτοι τοῦτο φρονίμος οἰκονομοῦσι, πρὶν ἔκπτυστον φθῆναι γενέσθαι, πλάσαις ἀπειλαῖς αὐθεντικαῖς συστέλλοντες καὶ φόβοις, καὶ τάφῳ φάναι σιγῆς ἐν βραχεῖ συγχωνύνυτε.

⁶³ Тихомиров М.Н. Россия и Византия... С. 33. Впервые проблему поставил А.А. Васильев. См.: Васильев А.А. Падение Византии. Л., 1925. С. 57–58.

О.В. Семенов

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ ПРАВЕДЧИКОВ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.)

Создание Русского централизованного государства подразумевало не только объединение земель вокруг Москвы, но и качественные перемены в различных сферах общественной жизни. В области политической происходил медленный и крайне болезненный процесс ломки связанных с эпохой территориальной раздробленности институтов власти и формирование иного аппарата управления.

Основным звеном местного управления на территории России во второй половине XV–первой половине XVI в. являлись великокняжеские наместники и волостели¹. Они сыграли поистине выдающуюся роль в укреплении позиций Москвы, сменив на только что присоединенных к ней территориях удельную систему власти. Однако, по единодушному признанию исследователей, даже в таком виде местное управление «не в меньшей, а, пожалуй, даже в большей степени, чем центральное, сохранило черты старых порядков»². Слишком широкие и недостаточно определенные полномочия нового административного аппарата, его откровенно пренебрежительное отношение к возложенным функциям, выполнение которых являлось, к тому же, необязательным (на должность кормленщика служилые люди смотрели, в первую очередь, как на награду за прежнюю военную или придворную службу, позволяющую поправить материальное положение), очень скоро стали серьезным препятствием на пути дальнейшей государственной централизации³. Это подтолкнуло правительство пойти на меры, призванные ограничить власть кормленщиков и усилить контроль над ними.

В отечественной историографии уделялось довольно большое